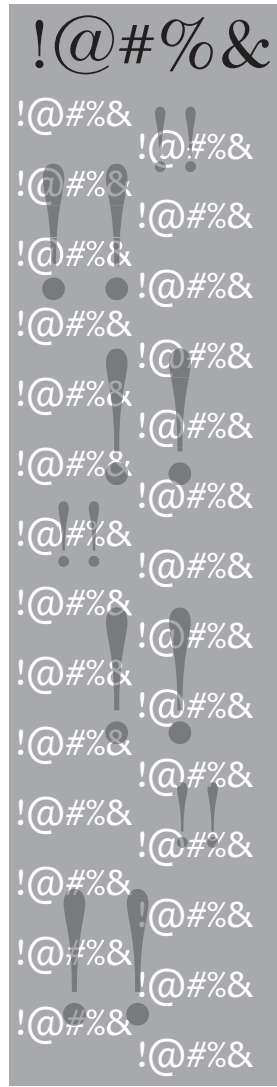

Беру на себя смелость утверждать: в мире нет ни одного народа, в языке которого не существовало бы бранных слов, которые в этой культуре считаются очень грубыми. В этом нет ничего удивительного: в мире есть любовь, но есть и ненависть, злоба, ярость, которая, даже будучи благородной, всё равно вскипает, как волна. Брань даже сравнивают с вулканическими извержениями, вырывающимися наружу из-под коры общественных запретов.

Для обслуживания всех этих ярких чувств существует целый арсенал слов и выражений. У этих слов есть одна особенность, которой нет у большинства других: их должны (!) знать буквально все члены коллектива. Ручаюсь, что нет ни одного русскоговорящего человека, который не знает мата. Про какой-нибудь там бином Ньютона он, в отличие от булгаковского Кота, может и не слышать, но уж мат он точно знает.

И в то же время соответствующий словарь запрещён к употреблению! Настаиваю: нет ни одного другого языкового слоя, который одновременно всем известен и всем запрещён к употреблению. И хорошо бы у одного какого-нибудь экзотического народа, так нет, у всего человечества.

Вот такому необычному слою и посвящена эта книга. Хочется разобраться, зачем упорно в обществе существует то, что то же самое общество и запрещает.

Да, самые грубые из этих слов звучат не слишком-то эстетично, но для интересующегося языками это не резон их игнорировать. Сравните: следователь по уголовным делам или врач-венеролог тоже ведь обычно имеет дело не с самыми ему приятными людьми, но кто будет отрицать полезность их деятельности.

Так и в филологии и культурологии. В нашем веке всё больший интерес приобретает изучение языка не самого по себе, а его бытование в говорящем коллективе. Иными словами, *нас больше интересует не речь человека сама по себе, а говорящий человек*. Речь рассматривается как ещё одна разновидность деятельности человека, его взаимоотношение с помощью речи с окружающим его миром, в том числе и с другими людьми.

В этой конкретной книге нас будет интересовать не вся речевая деятельность человека, а преимущественно средства выражения человеческих эмоций. А одно из самых эмоциональных средств выражения — это *бранные слова*.

И, что очень важно, каждый народ создал для себя свой собственный запас нужных для этого слов. Бывает, конечно, что то или иное словечко совпадает в двух культурах, но очень редко сила эмоции, выражаемая этим словом, точно такая же.

Бранных слов очень много, больше, чем слов, выражающих нежность, любовь, благодарность, ласку. Это понятно: то, что нас раздражает и злит, больше заметно, чем то, что успокаивает и радует. Соответственно для обозначения плохого нужно и больше слов. В результате человеческий язык в целом зол и агрессивен, требует осторожности в обращении, он опасен, как острый нож в руках ребёнка.

К сожалению, сегодня в нашей стране изучать бранную лексику практически запрещено: ревнителю нравственности, а точнее, невежды и ханжи считают, что такие «низкие» слова изучения не заслуживают.

Правда, в течение недолгого времени этот запрет ослабевал, и в нашей стране, как давно за рубежом, появлялись статьи и целые книги, посвящённые этой прежде запрет-

ной теме. Часть из них носила сугубо научный характер, часть просто развлекательный. Книга, которую вы держите в руках, основана на докторской диссертации её автора, но переписана автором так, чтобы она была понятна даже не специалисту, а просто любителю русской словесности. Автор надеется, что, прочитав эту книгу, читатель задумается о судьбах и задачах родного языка, поймёт сложность и противоречивость языковой деятельности.

Меньше всего автору хотелось бы пропагандировать употребление бранных слов. Его задачей было показать сложность всей этой проблемы, убедить читателя, что раз такая проблема есть, её необходимо изучать.

Почему именно сейчас возникла необходимость в обсуждении этой темы? Дело в том, что в целом ряде стран, прежде всего европейских, именно сейчас идёт бурный процесс снятия многих этических запретов (табу). В частности, снимаются запреты и на произнесение некоторых «опасных» слов. Славянские народы в этом смысле немного задержались, но сейчас и у нас в ход пошли слова и выражения, ещё вчера находившиеся под полным запретом «в приличном обществе».

Отсюда вытекает необходимость как-то определиться. Сказать самим себе, как следует относиться к этому явлению. Часто можно слышать и читать яростные протесты против сквернословия, но это всё чисто эмоциональные всплески, аргументации мы практически не слышим. Так что пришло время для более взвешенного анализа. Он нужен рядовому читателю, но не меньше — специалистам, например социологам, юристам, конфликтологам, лингвистам. Материалы такого анализа способны помочь изучать эмоциональную атмосферу в производственном коллективе, чтобы выбрать наиболее благоприятную тактику поведения, умело контролировать возникший конфликт.

Серьёзных лингвистов убеждать в этом не надо. Раз есть такой языковой пласт, значит, надо его изучать, как же иначе? Опять же чувство юмора здесь оказывается очень кстати. Вот какая запись появилась как-то в Интернете:

«Рассказывает Авдотья Смирнова:

«...Я застала потрясающую беседу двух великих старух. Одна – Надежда Януарьевна Рыкова, которая была великим переводчиком со старофранцузского и французского, ей мы обязаны классическим переводом «Опасных связей» Шодерло де Лакло, например. Ей было на тот момент года 92. Она жила в одной квартире с Софьей Викторовной Поляковой, выдающимся нашим византологом. Софья Викторовна была рядом с Надеждой Януарьевной молодуха.

И однажды я пришла к старухам и застала у них грандиозный скандал. Скандал был посвящён тому, какая часть речи слово «ху@к». Надежда Януарьевна утверждала, что это звукоподражание – бац и ху@к, это междометие и звукоподражание.

Софья Викторовна ей говорила: «Надя, вы выжили из ума, потому что это, безусловно, глагол! Он ей ху@к по голове!»

Вот это идеал старости!»

Нам надо попытаться преодолеть иные давно установившиеся стереотипы. Надо перестать воспринимать человека как стандартную функциональную единицу. Все мы разные, и выбор того или иного слова может характеризовать личность говорящего, обрисовать его внутренний мир, его идеалы и антипатии.

В ходе работы над этой книгой автор прочёл большое количество художественной литературы и научных работ на многих языках, опрашивал носителей множества языков. В результате он в принципе мог бы ругаться на европейских, азиатских, африканских языках, языках коренных народов Америки и так далее. Всеми этими языками автор, конечно же, не владеет, но при встрече с недружественным чужеземцем мог бы сказать ему несколько слов... Часть этого богатства читатель встретит в предлагаемой книге. Как ни старался автор по возможности избегать наиболее грубых примеров, сделать это ему в ряде случаев не удалось.

У классиков это иногда получалось. Вот как выходил из такого положения Гоголь в сцене, где мужик упоминает Плюшкина:

А! – заплатанный, заплатанный! – вскрикнул мужик. Было им прибавлено и существительное к слову заплатанный, очень удачное, но не употребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим. Впрочем, можно догадаться, что оно выражено было очень метко, потому что Чичиков, хотя мужик давно уже пропал из виду, и много уехали вперёд, однако ж всё ещё усмеялся, сидя в бричке. Выражается сильно русский народ!

К сожалению, последовать примеру Николая Васильевича в этой книге невозможно. Поэтому автор приносит извинения тем, кто совершенно не переносит грубой вульгарной брани и не желает её слышать и тем более видеть в напечатанном виде. Автор может лишь посоветовать им закрыть книгу на этой странице.

ИНВЕКТИВА

Для начала нам придётся познакомиться с некоторыми научными терминами, без которых просто нельзя обойтись. И первым таким термином будет «инвектива», от латинского «*invehor*» — «бросаюсь, нападаю, наезжаю». Согласно словарям, так называют резкое выступление против кого-нибудь или чего-нибудь, оскорбление или обличение оппонента, «наезд». Инвектива не обязательно представляет собой непристойное, неприличное слово. Как известно, задеть, обидеть человека можно без единого грубого слова, было бы желание. Кроме того, есть в нашем распоряжении слова, которые скорее относятся к грубо разговорным, а не непристойным, но которые в качестве инвективы тоже вполне годятся: ну, какие-нибудь там «девка», «гадина», «гнида», «сволочь» и многие другие. Поэтому будет правильно делить инвективы на инвективы в широком и узком смысле. Нас в дальнейшем будет интересовать прежде всего инвектива в узком смысле, которую мы определим как такой раздел нашего с вами словарного запаса, который, с одной стороны, не разрешён к использованию в нормальной ситуации, а в крайней своей части даже категорически запрещён, табуирован. Но с другой стороны, этот пласт должен быть известен всем носителям данного языка.

Качество, «убойная сила» таких инвектив могут быть очень разными. Представьте себе этакую ленту, с одной стороны которой записаны слова, осуждаемые в абсолютном большинстве групп общества (субкультурах). Это инвективы в узком смысле. А с другого конца ленты — инвективы в широком смысле, слова, относительно приемлемые в некоторых ситуациях, например, «Глупец!». Между этими полюсами — неисчислимое количество всевозможных слов, тяготеющих то к одному, то к другому полюсу.

Есть и изощрённые способы только намекнуть на слова этого списка. Вот очень удачный пример. Поэту-сатирику XIX века Д.Д. Минаеву не понравилась на выставке картина «Сапожник». Используя бранное значение этого слова, поэт обругал художника, так сказать, описательно:

*Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом, –
ТЬфу! – кистью – я хотел сказать!*

Наш современник И. Иртеньев для этой же цели избрал не называемое им слово «собака». Хотя, возможно, и «сукин сын». В стихотворении «Клеветнику» он разделяется со своим оппонентом так:

*Тебе отпущено немного,
Так задирай, лови момент,
Свою завистливую ногу
На мой гранитный постамент!*

Ну и, наконец, анекдот, в котором некий интеллигентный писатель отвечает набросившемуся на него грубияну:

*«Я надеюсь, что когда вы сегодня вернётесь домой, ваша мать
выскочит из подворотни и вас как следует искоусает».*

Вряд ли такой изящный вариант «сукина сына» произведёт большой эффект, но отказать ему в остроумии нельзя.

Однако распространённым приёмом такие вот «неинвективные инвективы» вряд ли когда-нибудь станут, они многословны и в действительно конфликтной ситуации обеим сторонам не до изысков, главное — как можно больнее ударить словом. Сказать «Твоя жена тебе изменяет!» — инвектива в широком смысле слова. Но итальянец, желая посильнее оскорбить, прибегнет к страшному слову «Cornuto!», означающему всего-навсего «рогоносец». Никогда, никогда не называйте так жителя Апеннинского полуострова, вы можете поплатиться жизнью. Перед вами явная инвектива в узком смысле, её смысл ещё и в утверждении, что вы не мужчина и, того хуже, все об этом знают.

ВЫСТРЕЛ В ВОЗДУХ

Очень важно помнить, что чуть ли не у каждого слова в языке есть больше одного значения. Для нашей темы эта мысль очень важна. В самом деле: что означает восклицание «Блядь!»? Оно может относиться к распутной женщине, и тогда это непристойное название, так сказать, реального объекта. Так можно обозвать любую не понравившуюся вам женщину, и тогда это тяжёлое оскорбление, инвектива в узком смысле слова, за которое вам может не поздоровиться. Но это может быть просто выражение досады и боли человека, ударившего себя молотком по пальцу. Кого он тут обругал? Никого, он просто сознательно нарушил табу, сломал социальный запрет, произнёс то, что не принято произносить. *Именно потому, что это не принято произносить, он это произнёс.* Ему доставило облегчение нарушение общественного запрета. «Выругался — и полегчало». Кто-то в такой ситуации разобьёт тарелку, кто-то пнёт ни в чём не повинную кошку — это уж в зависимости от его воспитанности и интеллекта — а кто-то от души выругается, и необязательно одним этим словом.

К этому слою относится то, что можно назвать «детонирующими запятыми», ничего не означающими грубыми словами, придающими, однако, речи говорящего своеобразный колорит. К ним обычно прибегают люди, словарный запас которых очень ограничен и бесцветен. Им очень хочется, чтобы их речь была ярко эмоциональной, но для этого надо знать много синонимов, слов, обладающих похожим значением, но с разными оттенками. Гораздо проще добавлять в речь через слово эмоционально нагруженную непристойность, создающую ощущение напряжённости и выразительности: «Я, блядь, иду вчера, блядь, по улице и вижу, блядь, идёт, блядь, мой кореш...»

Что побуждает человека обращаться к таким вот «детонирующим занятиям?» Это может быть простая импульсивность человека, привыкшего открыто выражать свои эмоции, отсутствие самоконтроля, изменение сознания под

влиянием алкоголя, слабая религиозность, умственное расстройство, даже тревожность за своё сексуальное здоровье.

Обратите внимание на последнее обстоятельство: сексуально полноценный человек, как правило, не задумывается о «таких» вопросах и, соответственно, о них вслух не упоминает.

Впрочем, есть ещё одна очень распространённая причина обращения к такому словарю в обыденной, не слишком эмоционально насыщенной речи. Это сквернословие как средство демонстрации своей принадлежности к определённой подгруппе. Так сказать, по принципу Маугли, помните: «Мы одной крови, вы и я!» Яркий пример из рассказа В. Крупина:

Они разложили маленький огонь от комаров, вывалили на газету разваренную рыбу. По кругу гулял родимый гранёный. Говорили они, употребляя в десятках вариантов одно и то же слово. Меня они застеснялись, но я употребил ещё один вариант этого же слова и стал как бы свой.

Или военные воспоминания в газетном очерке:

И тут нас выручил один пожилой солдат, который спустился к самому берегу реки и принялся крыть часового отборными словечками. Только тогда часовой по-настоящему поверил, что на другом берегу свои.

Это свойство сквернословия было особенно востребовано в первые годы советской власти, когда надо было противопоставить восставшие малообразованные народные массы интеллигентам, дворянам, священникам, словом, «буржуям», в спокойной ситуации предпочитавшим, по возможности, обходиться без мата. Если человек не умел материться или избегал это делать — он «чуждый элемент» «Свои» опознавались по степени искусства и частоты использования бранного словарного запаса.

Другое дело, что и «чуждый элемент» мог при случае «выразиться». Об этом мы ещё поговорим.

ЗАПРЕТИТЬ НЕЛЬЗЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Поговорим подробнее об одном из ключевых понятий нашей темы – так называемом табу. Это социальные коммуникативные запреты. Выживание любого человеческого общества держится на соблюдении ряда таких запретов. Запреты эти выработаны опытом тысячелетий совместной жизни людей. Яркий пример – библейские заповеди: нельзя убивать, нельзя красть, нельзя покушаться на чужую собственность и так далее. Есть и более мелкие правила, запрещающие, например, входить без разрешения в чужое жилище, выразить неуважение чужим святыням и тому подобное. Какие-то из этих запретов соблюдаются очень строго, за их нарушение можно поплатиться свободой или жизнью, к каким-то отношение более снисходительное. Некоторые из них могут показаться обременительными, кажется, что они осложняют жизнь, но на самом деле без них не обойтись: они помогают сплочению данного коллектива, помогают избежать трений и так далее.

Соблюдению таких запретов нас учат, что называется, с младых ногтей. Нельзя на виду отпращивать естественные потребности, необходимо уважать старших по возрасту и положению, запрещается употреблять в «приличном обществе» определённые слова и выражения, задавать мало знакомым людям интимные вопросы и тому подобное.

Число таких запретов очень велико, но для темы настоящей книги особенно важно, что большое число их группируется вокруг идеи человеческого «верха», ассоциирующегося с духовностью, и человеческого «низа», символизирующего материальное, «земное» начало.

Другими словами, в значительной степени наша деятельность контролируется табу. Во-первых, табу на упоминание священных понятий. То есть осуждается упоминание «всеу», без особой необходимости, самых священных имён – названий божества, основных религиозных и общечеловеческих святынь и тому подобное. Ниже об этом будет сказано под-

робнее. Нарушение этого табу называется кощунством или богохульством.

Во-вторых, не одобряется публичное упоминание слов, обозначающих человеческие органы, имеющие отношение к деторождению и выделению отходов жизнедеятельности. Но ведь органы эти существуют! Иногда упоминание этих объектов даже жизненно необходимо (например, в кабинете врача). Как тут быть?

В результате обществу приходится прибегать к иносказаниям, детскому языку, сугубо медицинским терминам и тому подобное. Прямое бесцеремонное называние здесь считается исключительно грубым, осуждаемым даже законодательно. В русскоязычных словарях такие слова или не приводятся вовсе, или сопровождаются специальными пометами вроде «бран.», «вульг.», «груб.», «неценз.», «пренебр.» и другие подобные. Вспомним известную шутку, где человек возмущается «несправедливостью». Ему, видите ли, запрещают употреблять некое слово: «Как это так: жопа есть, а слова нет!»

То есть, как видим, обе разновидности табу подозрительно похожи: упоминание имени божества в молитве не только одобряется, но и приветствуется, но в быту, в споре или бытовом разговоре категорически запрещается. В отношении же человеческого «низа» придуманы отдельные слова для того же самого предмета: для разговора с врачом или ребёнком, с одной стороны и для бытового общения — с другой. Первые допускаются, вторые запрещаются.

Сходство здесь отнюдь не случайное. Давайте разберёмся в самом принципе табу.

НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ НАМ НЕ ЧУЖДО

Всё-таки почему люди испокон веку запрещали себе определённые вещи? Одно из объяснений — это страх человека перед таинственными тёмными силами. Ещё в первобытные времена люди верили, что, например, упоминание имени мёртвого человека в адрес живого могло привести к смерти этого последнего. Поэтому такое имя категорически запрещалось произносить. Говорят, что дети и сегодня могут верить, что если назвать человека «говном», он в это самое и превратится. То есть слово как бы имеет магический смысл, оружие нанесения вреда. Поэтому научиться владеть такими словами означает приобрести власть над окружающим миром. Есть сведения, что не так уж давно в России крестьяне специально обучали детей «таким словам».

О том, что слово якобы может иметь магический смысл, говорят обычаи племён, задержавшихся на первобытной стадии развития. У племени тонга в Полинезии существует специальный язык «капе-капе», содержащий слова, в буквальном переводе соответствующие непристойностям в европейских языках. Так вот, на тайных, исключительно мужских вечеринках он считается обязательным! Но в официальной обстановке, например, в стенах правительственного учреждения, он строжайше запрещён.

Сила табу бывает разная: какие-то из них надо соблюдать чуть ли не под страхом смертной казни, на нарушение других общество смотрит довольно снисходительно. Отсюда ясно, что ощущения человека, нарушающего табу, тоже будут разные: чем сильнее табу, тем сильнее соответствующая эмоция. Попросту говоря, воскликнуть «Чёрт побери!» или выматериться означает выпустить наружу разные по силе ощущения.

Отсюда историчность некоторых табу. В Средние века в Европе больше всего осуждалось богохульство, прежде всего — клятвы Телом Господним и различными Его частями, ибо все были уверены, что богохульнику грозит за это обречение на вечные адские муки. Поэтому нарушать такой